

В.А. Усольцев
УГЛТУ, Екатеринбург

СПЕЦИФИКА СЛАВЯНСТВА И ПРАВОСЛАВИЕ НА РУСИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕНОМЕНА РУССКОГО КОСМИЗМА

Серебряный век и русский космизм на рубеже XIX и XX веков не возникли спонтанно, их истоки уходят вглубь русской истории. В.Н. Демин показал, что так называемый «народный космизм» восходит к древним славянам [1]. Наши предки считали, что человеческая жизнь с момента рождения зависит от того, что написано в «небесно-звездной книге». Вселенское мироощущение впитывается русскими с момента рождения. Каждый хотел бы родиться под «счастливой звездой» – своеобразным оберегом. Гаснет она – и обрывается нить жизни, человек умирает.

Выдающийся собиратель и исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев писал о том, что каждый человек при рождении получал на небе свою звезду, с падением которой прекращалось его существование [2]. Всем славянским народам была присуща вера в небесно-космическую предопределенность человеческой жизни на всех ее этапах. По их убеждению, звезды принимали деятельное участие в судьбе человека, определяя в том числе счастье или несчастье в супружеской жизни.

«В народных заговорах и заклинаниях, – пишет В.Н. Демин, – многие из которых восходят к общеиндоевропейским и доиндоевропейским мифологическим представлениям, содержатся обращения к высшим космическим силам, утренним и вечерним зорям... Представления о жизненности космических сил, взаимопроникновении их и жизни человеческой, обусловленность ее высшими “небесными” законами – неотъемлемая часть, ядро народного мировоззрения, передававшегося от поколения к поколению вместе с языком, вековыми традициями и тем русским духом, который и составляет отличительную черту всей нации... Арийское наследство, принесенное славянами (а в дальнейшем – русскими) на евразийскую почву, сохранялось в форме стойких мифологических воззрений, игравших... роль первобытного познания природы и даже первобытной науки. В этом горниле зарождался и оформлялся изначальный народный космизм» [1, с. 44].

Русский историк XIX века И.Е. Забелин утверждал, что язычник яснее всего постигал и понимал одну великую истину: жизнь – есть основа всего мира, она разлита повсюду и чувствуется на каждом шагу, в каждой былинке. Во всем живом мире господствует и повсюду является такое же человеческое существо, как он сам. Он сознавал, что весь видимый мир от былинки до небесного светила одухотворен тою же человеческой душою, ее мыслью, чувством, волею [3].

С принятием христианства православие стало духовной силой, действующей объединению русичей, формируя их культурно-историческую общность и соборность как единство свободных людей, основанное на совокупной духовности и преданности общей родине. Культура славян была глубоко пронизана православием: долготерпение, широта души и щедрость в общении, братолюбие, сострадание к «меньшой братии», жажда решать все дела не по черствым законам, а «по-Божьи». С принятием православия упразднилась кровная месть, росло уважение к личности, в молитве воспитывалась дисциплина внимания, подавлялись неконтролируемые эмоции. Вместе с тем православие не ставило перед человеком слишком высоких нравственных задач, поскольку обладало «поучительной снисходительностью». Поклоняясь святым, надеясь на их заступничество и «предстательство» перед Богом, древнерусский человек вовсе не воспринимал свои иногда дурные поступки как лицемерие: он ощущал себя истинно православным, только «немного грешником». Такие противоречия в сознании средневекового русича были свойственны его реальной жизни [4].

В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский писал: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи брильянты. Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем путь освещают!.. Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать» [5, с. 51].

Ф.М. Достоевский писал В.А. Алексееву в 1876 г. об одном из основных предназначений христианства – нести людям «свет духовный»: «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопотает прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно – нищета, борьба за существование, “среда заела”. На это Христос отвечал: “Не одним хлебом бывает жив человек”, – то есть сказал аксиому и о духовном происхождении человека. Если при том не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, уйдет себя...» [6, с. 274].

Эту мысль Ф.М. Достоевского продолжает русский писатель Н.С. Лесков, как никто другой, широко использовавший фольклор и народные традиции в своем творчестве. В рассказе «Чертогон» им показан русский барин «из купеческого звания», «очень простая фигура, русская, но довольно величественная», к тому же «благочестив и большой вес в Москве имеет». У барина на лице «этакая, что называется, плюмса, как бывает от скуки», что и подтверждается его короткой фразой: «Совсем жисти нет». От скуки он заказывает «на сто особ» в загородном кабаке настоящую «вальпургиеву ночь», с цыганами-«эфиопами», песнями, плясками, выпивкой, обжорством и дикими выходками, безудержным самодурством самого заказчика «шабаша». К утру все кончилось при полном разгроме кабака.

И началась «жисть» в новом дне, наперво – с кружки кваса, затем продолжилась баней, а закончилась визитом в молельный дом, к Всепетой, – «покаянье принять». Рухнув на колени, нагрешивший «ударил лбом об полниц, всхлипнул и точно замер», а потом зарыдал, да так, что окружающие «с ним навзрыд плакать начали: Господи, сотвори ему по его молению». Глубоко пережив «борение» искушения и благочестия, он, наконец, просветленным голосом промолвил: «Теперь мне – прощено!». Завершает автор свой рассказ словами: «И вот он не отвержен и счастлив; он щедро одарил обитель, где вымолил себе это чудо, и опять почувствовал “жисть”... С этих пор я вкус народный познал в падении и в восстании... Это вот и называется *чертогон*, “иже беса чужеумия испраздняет”» [7, с. 372].

«Общий склад русской души таков, – писал один из ярких представителей Серебряного века Вяч. И. Иванов, – что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу. Она выражает центральное в христианской идее – категорический императив нисхождения и погребения Света и категорический постулат воскресения» [8, с. 234].

Удивительно привлекательные черты обрело православное искусство. Его условный, иносказательный язык был предельно символичен. В архитектуре древнерусского храма система мозаик и росписей интерьера соотносена с сакральной значимостью композиций и отражает основные положения вероучения. При простом их созерцании видимые образы отражали первообразы, они служили Библией для неграмотных и были понятны самым различным слоям населения, особенно не посвященным в тонкости эзотерической теологии [4].

Православие изначально было одной из главных духовных опор России. Монастыри и церкви были извечными хранителями значительной составной части русской культуры. Русская архитектура прошлого, запечатленная в русских монастырях и храмах, как и русская песня, искусство и литература, символизируют величие народного духа, переданное нам ушедшими поколениями. Здесь человек постигал нравственные критерии,

знакомился с высоким искусством живописи и хоровых сакральных песнопений, приобщался к космическому мышлению. Храм воспринимался как уменьшенная копия Вселенной.

Как считает Г.С. Островский, христианский храм в древности – это не только «священное писание для неграмотных», переведенное на язык наглядных, красочных образов, но это «целая система мироздания, исполненная для людей того времени большого смысла и значения». Таков Софийский собор в Киеве, созданный по образцу храма Святой Софии в Константинополе. Своды, стены, купол, столбы, хоры, лестничные переходы покрыты мозаичными картинами и византийскими фресками, на которых изображен персонифицированный духовный мир христианства, взывающий к душе молящегося через сдержанно-суровые лики архангелов, апостолов, евангелистов, отцов Церкви, святых воинов. В потоках света, льющихся из окон купола, переливаются серо-фиолетовые, зеленые, желтые, синие, голубоватые тона, создавая неповторимую атмосферу отстраненности от суетности здешнего мира, за которой следует гармонизация малого космоса человеческой души с Космосом мира Небесного [9].

Вместе с Византийским храмом пришла на Русь и икона, живописная летопись христианской веры. Руководитель иконописной мастерской В.А. Криворотов пишет о поэсисе «многомерного космизма» иконы, понять который можно, только рассмотрев, как она пишется. Прежде всего, иконописец это не простой ремесленник, он – духовидец, и, чтобы стать таковым, ему требуется многодневная подготовка: ограничение мирской деятельности и пост – настройка ума; раскаяние в греховности своей жизни – настройка души; непрерывная молитва – настройка духа. Лишь после того как все «системы иконописца настроены» и он полностью нейтрализовал свое «я», лишь тогда поэсис духовного мира открывается его душе, а сам «он становится его инструментом в процессе писания иконы» [10].

Иконописец поэтому никогда и не мыслит себя ее творцом, и для христианина икона не просто картина, а проводник, канал в мир духовный, являющийся «носителем принципа совершенства и гармонии», или космос духовный. О.Д. Куракина в храмовой росписи и иконе – этих первых живописных произведениях христианской Руси – видит «поэсис космизма» [11].

«На базе храмовой архитектуры, – пишет В.П. Даркевич, – этого синтеза искусств, создается подлинное единство богословских, эстетических и утилитарных ценностей... Для средневекового человека большой кафедральный собор или скромная уличанская церковка были не какими-то абстрактными «памятниками», а заповедными, самыми священными местами, где происходило духовное общение со Всевышним вне мирской суеты, где царила атмосфера благоговейной любви и трепетной надежды, где припадали к образу своего святого заступника и в радости, и в горе...

В Древней Руси земная церковь сумела обеспечить максимальную для того времени крепость, цельность общества, необходимую в борьбе за выживание» [4, с. 65].

Все это нашло отражение в умонастроении русского космизма как многопланового явления, несшего на себе печать национальных особенностей России и отечественных культурных реалий: православной религии, русской религиозной философии, отечественного искусства, литературы, науки, всего уклада народного быта и государственного устройства. Его представителями (Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, В.Н. Черныгин, Вяч. Иванов и др.) разрабатывалась, в частности, концепция храмового, литургического синтеза искусств, построенная на единстве церковного зодчества, росписи, ваяния, вокального и словесного искусства. Это было явление, подобного которому не существовало в Европе.

Храм всегда воспринимался как образ мира. Древние строители хотели вместить в него весь мир и на века сохранить свое понимание этого мира. Храмы объединены общим стремлением вверх, к небу, и, конечно, к Богу. Первые жертвенники у всех народов возводились на вершинах гор или холмов в стремлении приблизиться к небесам. Особенным символом является купол, означающий, помимо всего прочего, свод небес [12].

Академик Н.Н. Моисеев указывает на то, почему умонастроение русского космизма могло появиться только в православной среде. Известно, что христианство родилось на базе иудаизма, но основной пафос Нового Завета качественно отличается от того, что проповедовал Ветхий Завет, а именно, что только иудеи принадлежат к избранникам. Христос же пришел ради спасения всех, в том числе несчастных и угнетенных. Н.Н. Моисеев считает, что «идея спасения, спасения всех – важнейшая из идей христианства». Но постепенно эта исходная позиция начала фантастически деформироваться, и в результате, как и в дохристианские времена, идея «спасения падших» уступила свое место идее «избранности», но в еще более жесткой форме. Сегодня эта исходная позиция переродилась в кощунственную идею исключительности европейско-американско-японской цивилизации, в идею «золотого миллиарда», мотивируемую тем, что ресурсов планеты на всех не хватит, – идею, глубоко бесчеловечную в своей основе [13].

Контрастной и несколько неожиданной выглядит позиция В.В. Познера относительно православия в его автобиографической, довольно откровенной книге «Прощание с иллюзиями» [14]. Автор родился и сформировался как личность в католической Франции, много лет жил и работал в протестантской Северной Америке, где дал «клятву верности флагу Соединенных Штатов Америки», и хотя он учился в молодости в МГУ им. М.В. Ломоносова и по паспорту он русский, тем не менее, как он сам пишет, русским он себя не чувствует. И вот результат: «Дальнейший рост влияния РПЦ

будет признаком все большего сокращения демократии в России, и напротив – ограничение влияния церкви станет свидетельством роста демократии. Что и говорить, не повезло России, когда князь Владимир сделал выбор в пользу православной ветви христианства: именно она более других темна, нетерпима, замкнута, именно она активнее других доказывает человеку, что он – ничто. Любопытный факт: если взять все европейские страны и распределить их по тем трем ветвям христианства, которые в них доминируют, то окажется, что наиболее высокий уровень жизни, наиболее развитые демократические институты встречаются в государствах, где церковь имеет наименьшее влияние, то есть в протестантских; за ними следуют страны католические, и на последнем месте – православные. Полагаете, это случайно?» [14, с. 15–16].

Что ответить на этот риторический вопрос? Корреляция в данном случае, по меньшей мере, сомнительная. Во-первых, он ранжирует страны по уровню комфортности жизни, по степени потребительского отношения к среде обитания (и американцы в этом преуспели, давая около четверти мировых выбросов загрязняющих веществ!), что, как известно, ведет цивилизацию в тупик. Во-вторых, из этой корреляции «выскакивают» буддистская Япония и многоконфессиональный с преобладанием конфуцианства Китай. А в-третьих, в отношении России Владимир Владимирович попросту непоседователен. Вот что он пишет далее: «Назовите мне хоть один европейский народ, который в большинстве своем оставался в рабстве до второй половины XIX века. Покажите мне народ, который почти три века находился под гнетом гораздо более отсталого завоевателя» [14, с. 31].

А после посещения выставки с новгородскими иконами, писанными до татарского нашествия, он прозревает: «Я вдруг отчетливо понял, что они, эти иконы, эта живопись ни в чем не уступают великому Джотто, что Россия тогда была “беременна” Возрождением, но роды прервали татаро-монголы. Кто-нибудь попытался представить себе, какой была бы Россия, не случись этого нашествия и двухсот пятидесяти лет ига? Если бы Русь, развивавшаяся в ногу с Европой, выдававшая своих княжон замуж за французских королей, не была отрезана на три долгих века от европейской цивилизации? Что было бы, если бы Москва Ивана III проиграла новгородскому вече? Что было бы, если бы Русь приняла не православие, а католицизм? Что было бы, если бы русское государство не заковало собственный народ в кандалы крепостничества? Что было бы, если бы всего лишь через пятьдесят с небольшим лет после отмены крепостного рабства не установилось рабство советское? Много вопросов, на которые нет ответов, а есть лишь мало чего стоящие догадки» [14, с. 31–32].

И тут же он дает объяснение этой своей довольно противоречивой череде вопросов и тому, почему альтернативные тенденции развития России для него всего лишь «мало чего стоящие догадки»: «Я отдаю себе от-

чет в том, что не принадлежу русскому народу... При всей моей любви к Пушкину и Гоголю, при всем моем восхищении Достоевским и Толстым, при том, что Ахматова, Цветаева, Блок и Булгаков давно стали частью моей жизни, я осознаю: я – не русский» [14, с. 32]. Он – не русский, он – представитель иной ментальности, и этим, видимо, все сказано...

Однако почитаемый В.В. Путиным Ф.М. Достоевский еще в XIX веке писал, что католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое нравоучение. По вине католицизма на Западе Христа потеряли, и оттого Запад падает [5].

Эти слова Ф.М. Достоевского комментирует сербский богослов Иустин: «Пророчество Достоевского о Европе постепенно исполняется на наших глазах. Европейское человечество, ведомое духом гуманистической, тщеславной “непогрешимости”, катится стремглав из тьмы во тьму, из ночи в ночь, пока не ввергнется в мрачную, вечную ночь, после которой не наступит заря. И в этой ночи человек не увидит своего бессмертного брата, ибо это возможно только в свете печального и чудесного Богочеловека Христа» [15, с. 210–211]. И далее: «Христоносная личность смотрит на природу не как на дикое чудовище, которое надо немилосердно укрощать, но как на больного, за которым надо ухаживать и целить любовью. Для такой личности природа представляется не бездушной материей, которую можно грубо расточать и безболезненно использовать, но представляется дивной Божьей тайной, которую нужно молитвенно любить и с любовью изучать» [15, с. 183].

Здесь мы видим удивительное смыкание православия с язычеством русов, видим преемственность их отношения к природе, перетекшего из язычества в православие и, далее, к умонастроению русского космизма и «общему делу» Н.Ф. Федорова. Здесь же мы видим смыкание взглядов Н.Ф. Федорова и Ф.М. Достоевского на природу. Н.Ф. Федоров видит в природе друга вечного, а понятие «господство над природою» определяет как «великую ложь». В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевский призывает любить все создание Божие: и целое, и каждую песчинку, каждый листик, каждый луч Божий любить. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды, и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, и полюбишь, наконец, весь мир уже всецело, всемирною любовью.

«Образ духовного и живого всегда связывался в сознании нашего народа с Совестью, – пишет сегодня профессор В.В. Милосердов, – этот образ проходил красной нитью через всю историю России. Ключевым моментом в понимании духовных начал российского общества является глубоко личностный, индивидуально избираемый путь к общности. Так мы понимаем российский коллективизм – общее для всех дело» [16, с. 568].

По мнению Н.М. Чуринова, «...на Руси в идеалах соборности была развернута античная диалектика, аристотелевская теория развития... В трудах древних русских философов идеалы соборности предстали, во-первых, как характеристики совершенства общественных отношений, их гармоничности, продиктованные заветом добродетели и любви к ближнему своему; во-вторых, как характеристики всеобщей связи общественных явлений» [17, с. 5].

Согласно философу П.И. Новгородцеву, покинувшему Россию в 1921 году, в католицизме преобладает юридическое понимание христианства, в протестантизме – этическое, в православии – принцип любви во Христе [18].

Н.Н. Моисеев полагает, что идея спасения всех, высказанная 2000 лет назад, по-настоящему не была осознана, поскольку была высказана слишком рано. Представления об «избранности» стали наиболее отчетливо проявляться в учении кальвинистов, гугенотов, англиканской церкви, в меньшей степени – у католиков. В минимальной степени идеей избранности было пронизано православие. Отсюда вывод Н.Н. Моисеева: «Я думаю, что идея избранности, глубоко проникшая в сознание людей, живущих в западной культуре, опасна не только сама по себе. У людей, особенно у людей с высокой степенью пассионарности, она... лишает их участия в общем, едином процессе. Идеи, подобные идее Н.Ф. Федорова об общем деле, идеи космизма вряд ли могли бы появиться в протестантском мире» [13, с. 10].

Подчеркивая космичность православия, его апологет Э.Г. Яблонский утверждает, что лишь преображение, в своем предельно сакральном смысле направленное вверх, в небеса, к Богу, к единству, – всегда было тем светочем, к которому стремилась русская душа и который наиболее выпукло показали русские славянофилы [19].

Таким образом, вселенское мироощущение, представление о «жизненности космических сил» арьев, а затем языческих славян были перенесены на почву православия с его идеями соборности, спасения всех и преображения. Поэтому появление и проявление феномена русского космизма было подготовлено всей историей славянства, начиная с древних его истоков.

Библиографический список

1. Демин В.Н. Заветными тропами славянских племен. М.: Фаир-Пресс, 2001.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с ми-

фическими сказаниями других родственных народов. М.: Современный писатель, 1994. В 3 т.

3. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М.: Типография Грачева и К⁰, 1876–1879. В 2 т.

4. Даркевич В.П. Цивилизация Древней Руси XI–XVII веков. М.: Белый город, 2011.

5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. М.: Современник, 1989.

6. Сараскина Л.И. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

7. Лесков Н.С. Чертогон // Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1973.

8. Иванов Вяч. И. По звездам. Борозды и межи. М.: Астрель, 2007.

9. Островский Г.С. Рассказ о русской живописи. М.: Изобразит. искусство, 1989.

10. Криворотов В.А. Космизм и икона // Русский космизм и ноосфера. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М.: Кафедра философии АН СССР, МФТИ, 1989.

11. Куракина О.Д. Поэсис русского космизма: космическая драма отвлеченных начал // Антропос и поэсис. Вып. 1. М.: Ин-т философии РАН, 1998.

12. Дмитриев Н. Храм как образ мира. 2010.

13. Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Экология и жизнь. 2003. № 1(30).

14. Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель, 2012.

15. Преподобный Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб: Сретенский монастырь, 2002.

16. Милосердов В.В. Крестьянство России в глобальном мире. Екатеринбург: УралГСХА, 2008.

17. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. 3-е изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

18. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

19. Яблонский Э.Г. Космизм как феномен русской культуры // Самиздат. 2010. 6 апреля. URL: http://zhurnal.lib.ru/j/jablonskij_eduard_genrihowich/ed567.shtm.